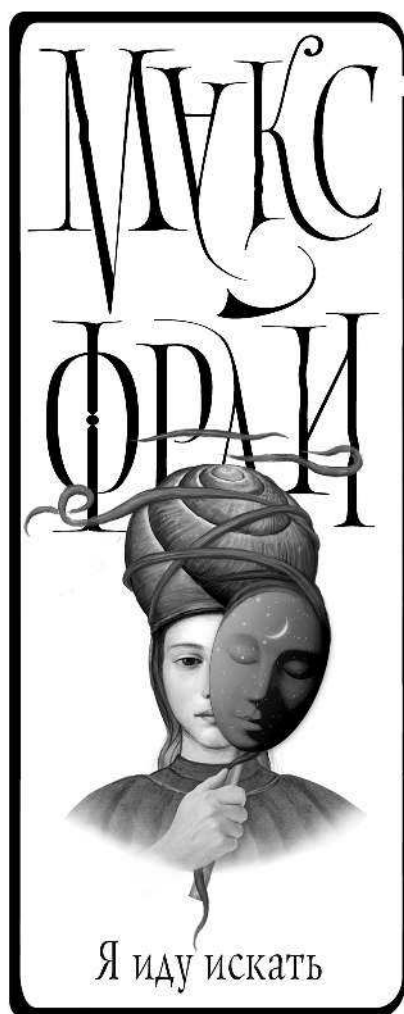

S III e
 S de

МОСКВА
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ф82

Книга публикуется в авторской редакции

Фрай, Макс

Ф82 Я иду искать / Макс Фрай. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 480 с. — (Сновидения Ехо).

ISBN 978-5-17-095334-9

Это книга о любви, в которой следует быть нерасчетливым и беззащитным, о смерти, с которой надо уметь правильно обращаться, о силе отчаяния, горьком вкусе счастья и ослепительной харь-мурде всевластия. А еще о ботанике, музыке, географии и международной политике, как же без нее.

В идеале эту книгу следует прочитать дважды: наяву и во сне, потому что некоторые ее эпизоды не могут быть пересказаны словами, зато присниться могут каждому; другой вопрос, удастся ли вспомнить их наутро, но надо стараться.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-095334-9

© Макс Фрай, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2016

— **П**олучилось! — воскликнула Меламори. И так самоодовольно ухмыльнулась, что кто угодно на ее месте выглядел бы законченным болваном.

Она, собственно, именно так и выглядела, но я был слишком рад ее видеть, чтобы придираяться. К тому же вряд ли следует упрекать человека за то, что он приснился тебе с не самым удачным выражением лица. Чей сон, на том и ответственность. По-моему, так.

Меламори тем временем позеленела и задрожала, как поверхность озера в ветреный день, но, спохватившись, коротко выругалась и снова приняла обычный вид. Такова сила вовремя произнесенного бранного слова — даже во сне.

— Ужасно трудно, — пожаловалась она. — Я рада тебя видеть, а это отвлекает.

— От чего?

— От всего. В смысле от процесса. Я же тебе не просто так снюсь. То есть не потому, что ты, например, соскучился и думал обо мне весь день, а потом сознание обработало информацию и выдало нужную картинку. А потому, что я сама решила тебе присниться. И, как видишь, сделала! Я — это именно я, а не бессмысленная игра воображения. Пришла в твой сон, как наяву ходят в гости. Только задержаться тут, оказывается, непросто. Как в степи во время урагана — в любой момент может подхватить и унести, а зацепиться толком не за что. Собственное внимание и воля,

она же упрямство — вот и все опоры. Поэтому не удивляйся, если вдруг исчезну, не попрощавшись. Я и так делаю, что могу... Эй, ты чего так на меня смотришь? Как будто до сих пор не знал, чему я учусь в Арварохе. Или думал, у меня никогда не получится?

Я и правда тарасился на нее во все глаза. И прикладывал грандиозные усилия, чтобы не проснуться от удивления. К счастью, в некоторых снах для этого достаточно просто спокойно дышать.

Не то чтобы подобное произошло впервые. Наоборот, очень много важных знакомств, событий и разговоров случались со мной именно во сне. Но люди, которые до сих пор по своей воле приходили в мои сновидения или забирали меня в свои, были настолько могущественными колдунами, что я даже не особо задумывался, как им это удается — ясно же, что некоторые удивительные существа способны вообще на все. А тут — не «удивительное существо», а просто Меламори. Лучшая в Мире девушка, не вопрос, но за годы, проведенные вместе, я как-то привык считать ее «младшей», гораздо менее умелой и опытной, чем я сам. Причем тот факт, что ей легко удаются некоторые вещи, к которым лично я даже не представляю, как подступиться, ничуть не убавлял моей снисходительности. Обычное заблуждение, когда речь заходит о самых близких людях, которых мы не раз видели в минуты слабости и с какого-то перепугу решили, что эти незначительные эпизоды и есть сокровенная правда о них.

«Какая она у меня умница — и во сне между Мирами путешествовать выучилась, и в Муррийского Демона Гнева всего за пять минут превращается», — с умилением думал я, глядя на Меламори. И, щедро осыпав ее ободряющими комплиментами, возвращался к своим «взрослым» делам. Якобы по-настоящему непростым.

Удивительно, но я только теперь понял, как был несправедлив; похоже, во сне я гораздо умнее, чем наяву. И твердо решил исправиться. Прямо сейчас. Куда еще откладывать.

Просто разговаривай с ней, как, например, с Джуфффином, — сказал я себе. — Его-то ты не хвалишь за достижения, а просто смотришь, распахнув рот, и думаешь: «Ну ни фига себе! Я тоже так хочу».

— Ну ни фига себе! Я тоже так хочу, — произнес я вслух. Хвала Магистрам, очень искренне.

— А ты не умеешь? — недоверчиво спросила Меламори. Она-то меня как раз здорово переоценивает. С первого дня.

Я отрицательно помотал головой.

— Время от времени выясняется, что кто-нибудь видел меня во сне и даже получил помощь или разумный совет — это от меня-то, прикинь! Но лично я ничего для этого не делаю. И далеко не всегда помню, что это вообще было. Совершенно случайно выходит, а значит, не считается.

Завершив чистосердечное признание, я принялся оглядываться по сторонам. Одно дело, когда просто безответственно дрыхнешь после условно трудного дня и видишь во сне, что придется. И совсем другое, когда вольно или невольно оказываешься участником чужого магического эксперимента. Сразу становится интересно, что происходит вокруг.

Вокруг, впрочем, происходила всего лишь моя спальня, примерно такая же, как наяву, только стены слегка светились, узоры на одеяле резво разбежались в разные стороны, а потолка не было вовсе, но вряд ли это так уж важно. Подумаешь — потолок. Непроницаемая тьма, бестактно намекающая созерцателю на ледяную бесконечность равнодушной к нему Вселенной, вполне сойдет.

— Ты прав, не считается, — согласилась Меламори. — Случайно присниться другому человеку любой дурак может. Мы все это время от времени проделываем, обычно сами того не зная. Но присниться намеренно и осознанно, не владея соответствующей техникой... нет, ну тоже можно, конечно. Если ты такой могущественный колдун, что тебе никакие правила не писаны. Или если очень повезет. Но лучше все-таки просто освоить конкретный прием.

— Что за прием?

— А ты не проснешься, если я стану объяснять?

— А должен?

— Понятия не имею. Но мне говорили, что большинство сновидцев просыпаются, когда им начинают давать какие-нибудь полезные инструкции. Вроде бы это такая защитная реакция человеческой психики, которая вечно насто-роже, потому что боится зайти слишком далеко.

— Есть такое дело, — согласился я. — Боится — не то слово. Обычно достаточно просто осознать, что спишь и видишь сон, и все, привет. Подбрасывает, как будто током стукнуло...

— Чем стукнуло?

— Неважно, — твердо сказал я, поскольку читать лекции об электричестве человеку, не имеющему о нем ни малейшего представления, я не готов даже наяву. — Вздрагиваешь, как от удара, и просыпаешься. Но я, хвала Магистрам, уже научился это контролировать. Причем более-менее всегда, а не раз в год под настроение, как раньше.

— Это ты большой молодец. А то глупо получилось бы: «Привет, я тебе снюсь!» — «Снишься? Ой!» — и все. Я бы, наверное, страшно рассердилась. Потому что ты не представляешь, как это трудно! Примерно как мысленно выстрелить собой из бабума* прямо тебе в лоб. Причем надо быть и стрелком, и рогаткой, и снарядом, и его полетом, и даже отчасти целью. То есть твоим лбом — чтобы не давать тебе увернуться.

— А я уворачивался?

— Ага. Цель почему-то всегда старается ускользнуть. Я даже сперва думала, ты нарочно не даешь тебе присниться, не хочешь, чтобы у меня получилось. Можешь представить, как я на тебя злилась!

---

* *Бабум* — большая металлическая рогатка, из которой стреляют мелкими взрывными шариками; штатное оружие рядовых солдат и полицейских Соединенного Королевства.

— Ты что, правда так думала? — изумился я. — Интересно, с кем ты была знакома все эти годы? Явно не со мной.

— Да ладно тебе, — отмахнулась она. — А то ты не знаешь, как я бешусь, когда у меня что-то не получается. Кого угодно врагом объявлю, лишь бы не ощущать себя беспомощной неумехой. Но мне объяснили, что твоя воля тут совершенно ни при чем, проблема в самой природе сновидений. Таким образом, ты был оправдан, а я официально признана тупицей. Но, как видишь, не совсем безнадежной!

— Тоже мне открытие. Вообще-то у тебя уже давным-давно получались вещи покруче, чем просто присниться, — напомнил я. — Например, уснуть в одном месте, а проснуться в другом. И не в каком-нибудь дурацком чужом сне, а наяву. На другом материке и даже в другом Мире. По-моему, так вообще больше никто не умеет. Даже про Короля Мёнина ничего подобного не рассказывают.

— Да, — согласилась она. — Но подобные штуки как раз вполне можно вытянуть на одном вдохновении, если силы достаточно. А когда ее больше, чем надо, все вообще случается само. Но это уже называется не «совершить чудо», а «влипнуть в историю». Помнишь, как я перепугалась, когда внезапно проснулась у тебя на улице Старых Монеток? Решила, это ты меня вероломно заколдовал, чтобы затащить в постель без проволочек... * Кто ж тогда знал, что у меня просто такой специальный талант к путешествиям в сновидении. А твое желание заполучить меня в гости просто сработало как катализатор.

И улыбнулась так мечтательно, словно это роковое недоразумение, плавно переросшее в многолетнюю драму, было самым приятным из наших общих воспоминаний.

Впрочем, совершенно не удивлюсь, если Меламори действительно так на это смотрит. Закончилось-то все в

---

* Речь о событиях, описанных в повести «Жертвы обстоятельств».

итоге очень даже неплохо. И достаточно давно, чтобы успеть выбросить из головы неприятные подробности. Хотел бы я тоже так уметь.

— Если бы не этот мой врожденный талант, арварохские буривухи ни за что не стали бы со мной возиться, — сказала Меламори. — Пока я к ним не заявила, они были уверены, что люди вообще не созданы для настоящей магии — ну, то есть для той, которая интересует их самих. Разве только старые кейифайи*. По крайней мере, иногда, пребывая в особо благодушном настроении, мои буривухи соглашались признать, что отдельные уандукские мастера, которых им доводилось видеть в деле, были не совсем безнадёжны.

— А тубурцы?

Она поджала губы и практически нахохлилась, как самый настоящий надменный буривух.

— Что — тубурцы?

— Ну вроде бы считается, что они непревзойденные мастера сновидений, — осторожно сказал я. — Столько о них слышал, что даже удивлялся, почему ты не отправилась учиться в Тубур? Но не спрашивал, чтобы не получить в глаз.

— И правильно делал, — без тени улыбки согласилась Меламори. — Чему это, интересно, я должна учиться в Тубуре?

---

* *Кейифайи*, которых в Хонхоне иногда называют «эльфами» — раса, изначально населявшая материк Уандук. Они считаются бессмертными, что скорее всего правда, поскольку ни одного чистокровного кейифайя, умершего от дряхлости, пока никто никогда не видел. Потомки от их браков с людьми и крэйями, населяющие сейчас Уандук и отчасти Соединенное Королевство, расположенное на месте земель, в древности завоеванных уандукским королем Ульвиаром Безликим, обычно живут довольно долго, но все же не вечно. О древних кейифайских семьях, которые до сих пор живут в Уандуке, их тайной магии и удивительных возможностях рассказывают великое множество завиральных легенд, которые на практике обычно оказываются не преувеличением, а изрядным преуменьшением.

— Да не то чтобы должна. Просто у них же все учатся... Эй, не смотри на меня зверем, я знаю, что ты — не «все». Но, скажем, Его Величество в полном восторге от тубурской сновидческой школы. И любит говорить, что если бы родился никому не интересным младшим принцем, не раздумывая, отправился бы в Тубур. Вряд ли он совсем не разбирается в предмете.

— Ну, положим, Король не обязан быть авторитетным экспертом по всем вопросам без исключения, — заметила Меламори. — Сомневаюсь, что он перепробовал все существующие в Мире практики сновидений и определил наилучшую. По крайней мере, у арварохских буривухов Его Величество точно ни дня не учился, а то я бы знала...

Она вдруг засияла тусклым красноватым светом и начала понемногу дымиться, как тлеющая головня, но не обращая на это ни малейшего внимания, продолжала говорить:

— Ладно, на самом деле я тоже не великий эксперт. И не выбирала, у кого учиться. Кто первым позвал, к тем и пошла. Но сейчас, узнав побольше, понимаю, как мне повезло! Потому что хваленая тубурская школа сновидений предполагает полную отстраненность от жизни наяву. «Сны отдельно, — говорят их мастера, — а бодрствование отдельно». И непременно добавляют: «И оно никому не интересно». А мои буривухи считают сновидение наилучшим инструментом управления реальностью. Я этому рада, поскольку, как всякий нормальный человек, жажду власти над Миром...

— Власти над Миром?! Как всякий нормальный человек? — ошеломленно переспросил я.

— Ну да. Было бы чему удивляться. Ты и сам...

— Я?!

— Ну естественно! — рассмеялась Меламори. — А, ты наверное думаешь, что «власть над Миром» это — ну как, помнишь, Джуффин рассказывал про своего бывшего уче-

ника, который устроил Мормору*? Когда ты выше всех на три головы, владеешь несметными сокровищами и безнаказанно мучаешь всех, кого захочешь? А меж тем настоящая власть над Миром это просто способность изменять его своей волей. Без желания изменять Мир в магии делать, на мой взгляд, нечего. Ну вот разве что и правда к тубурцам податься. И скакать по бескрайним просторам их сновидений, пока не надоест. Но мне, подозреваю, очень быстро надоело бы. Примерно за полчаса до старта.

— Наверняка, — согласился я. — Хорошо все-таки, что в Мире есть арварохские буривухи. И что они не проморгали свой шанс заполучить тебя в ученицы.

— По-моему, просто от удивления, — улыбнулась Меламори. — Человек — и вдруг почти такой же способный, как их птенец! Помнишь, как Шурф в свое время взялся обучать Дримарондо — ух ты, говорящий пес! Интересно, а читать он научится? Ну надо же, умеет. А статью из учебника по философии поймет? И содержание перескажет? И разумные выводы сделает? А если дать ему что-нибудь посложнее? Ого, справляется! А не записать ли его вольнослушателем в Королевский Университет?.. Сам понимаешь, ни с одним обычным необразованным человеком он бы столько возиться не стал, но говорящая собака — это так неожиданно и забавно, что можно и постараться. Любопытно же, что из этого получится. Со мной и арварохскими буривухами вышла ровно та же история.

Насколько я успел изучить буривухов, живущих при нашем Управлении Полного Порядка, Меламори была совершенно права. Лучшие из нас, включая самого шефа Тайного Сыска, кажутся им примерно такой же забавной диковиной, как нам говорящие собаки. А все остальные — ну, просто красивые. И умеют печь вкусные пирожные. Ничего сверх этого буривухи от нашего брата обычно не ждут.

---

* Речь о событиях, описанных в повести «Властелин Морморы».

Голос Меламори по-прежнему звучал звонко и ясно, но выглядела она с каждой секундой все менее достоверно.

— Эй, а ты знаешь, что слегка почернела и стала совсем прозрачная? — спросил я. — Это нормально? Так и надо?

— Совершенно нормально. Но при этом лучше бы не надо, — вздохнула она. — Просто начинающим путешественникам по чужим сновидениям, вроде меня, трудно подолгу сохранять неизменными и облик, и сознание. Поневоле приходится выбирать. Я решила, что главное — поговорить с тобой по-человечески. А если сконцентрируюсь на неизменности облика, стану, наверное, жуткой дурой. Или вообще забуду, кто я такая. Или просто перестану тебя узнавать, и тогда никакого удовольствия.

— Ну почему же, — оживился я. — Познакомились бы заново. Я бы опять тебе понравился, и все бы заверте...

— Вот это вряд ли, — усмехнулась она. — С момента нашего знакомства прошло много лет, и я здорово поумнела. Так что вряд ли повторила бы самую роковую ошибку своей дурацкой юности.

— Сердцу не прикажешь! — я показал ей язык.

— На самом деле очень даже прикажешь, — серьезно возразила Меламори. — Есть такой древний ритуал Освобождения Сердца, специально созданный для желающих срочно кого-нибудь разлюбить. И знаменитая на весь Мир уандукская любовная магия примерно для этого же придумывалась. И еще немножко для дополнительных удовольствий, которые можно получить после того, как мы благо разумно разлюбили всех ненужных кандидатов и полюбили правильных... Впрочем, у нас, в Угуланде, подобные уловки никогда не пользовались популярностью. В любви нужно быть нерасчетливым и беззащитным, иначе нечестно. Слишком высокая ставка, чтобы жульничать! Поэтому ладно, пусть все остается как есть. Я даже не дам тебе в глаз за то, что так долго мне не снился, как собиралась поначалу.

— Это мне крупно повезло, — сказал я. — Но знаешь, я так соскучился, что и драке обрадовался бы.

— Ладно, — кивнула она. — Тогда в следующий раз с этого и начнем.

— Да начинай с чего хочешь. Лишь бы он был, этот следующий раз.

— Будет, — твердо пообещала Меламори. — Один раз получилось, значит когда-ни...

Договорить она не успела — исчезла. В смысле перестала мне сниться. Я все взвесил и тоже проснулся. Какой смысл оставаться одному в этой дурацкой сияющей спальне с темной бездной вместо потолка?

Наяву я тоже был один, но, по крайней мере, снова обрел надежный потолок над головой. Лежал, уставившись в него, улыбался, думал обо всем понемножку: о сновидениях, которые когда-то давно, в совсем другой жизни казались мне гораздо важнее всего, что происходило наяву, и, как выяснилось, не зря — в итоге, именно они и привели меня в мое нынешнее удивительное «наяву»; о Меламори, чья учеба у арварохских буривухов, хвала Магистрам, похоже, пошла на лад; о власти над Миром; о любви, в которой следует быть нерасчетливым и незащитным; о говорящем псе Дримарондо, редкостном счастливчике, как, впрочем, и все мы, оказавшиеся достаточно трогательными и забавными, чтобы с нами возиться. Удача мага, вовремя встретившего источник своей силы, обычно примерно так и выглядит. «Это что там такое смешное на краю бездны барахтается? — удивленно спрашивает Неведомое, оглядываясь по сторонам. — А ну-ка, смешное, дуй сюда, чего покажу!»

На самом деле действительно невероятное счастье. Не знаю, как Дримарондо и всем остальным, а лично мне до сих пор непросто поверить, что оно на меня свалилось. Может, это и к лучшему, а то бы вся моя жизнь превратилась в один непрерывный восторженный вопль. А так все-таки и делами иногда заниматься получается. И даже отвлекать-

ся на глупости. Особенно отвлекаться на глупости! В чем-в чем, а в этом я, как показывает практика, настоящий мастер. Живая легенда, можно начинать трепетать.

* * *

— Гламитариунмайоха! — сказал я.

Ни разу, между прочим, не запнулся. Что не так уж удивительно, учитывая, что это была примерно сотая попытка. Описать невозможно, какой кровью она мне далась. Ненавижу талдычить одно и то же. Я рожден для наслаждений, а вовсе не для тяжелого систематического труда.

Однако случаются в жизни ситуации, когда без него не обойтись. Например, если надо разучить какое-нибудь заковыристое новомодное заклинание, открывающее перед дерзновенным кудесником волшебные врата в удивительный мир летающих пирожков. Или, как в моем случае, перестать наконец беспомощно бляеть, пытаюсь выговорить название самого обычного растения. Гла-ми-та-ри-ун-май-о-ха — это ж надо было до такого ужаса додуматься. А еще считается, будто ботаники — безобиднейший народ.

Однако моей готовности благодушно мириться с собственной немощью внезапно наступил предел. Поэтому я сел и вызубрил это грешное словечко. А что чуть с ума в процессе не сошел, так это в моем положении дело обычное. Одним поводом рехнуться больше, подумаешь. Переживу. Зато теперь есть, чем поразить в самое сердце человека, который давным-давно утратил надежду поднять мою образованность хотя бы до уровня умеренно успешного выпускника начальной школы.

— Гламитариунмайоха! — настойчиво повторил я, так и не дождавшись заслуженных аплодисментов.

Сэр Шурф вопросительно приподнял бровь.

— Это ты к чему?